

Глава LXIV. БОРЬБА ПРОТИВ ЭБЕРТИСТОВ. СХВАТКА МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ ПАРТИЯМИ. РОЛЬ МАСОНСТВА

Уже в декабре 1793 г. Робеспьер предвидел близкий конец революционной республики. «Будем настороже, — говорил он, — так как гибель отечества уже недалеко»*. И не он один это чувствовал. Та же мысль все чаще и чаще встречалась в речах революционеров.

*Societe des Jacobins, v. 5, p, 527, заседание 12 декабря 1793 г.

Дело в том, что революция, задержанная на полдороге, не могла никоим образом долго продержаться. Положение Франции в конце 1793 г. было таково, что, остановившись в ту самую минуту, когда народ начал искать новых путей в сторону социальных изменений, революция неизбежно разбилась теперь на мелкую внутреннюю борьбу партий, споривших между собой из-за власти. Она теряла свои силы в попытке бесплодной и ошибочной, даже с политической точки зрения, истребления своих противников, охраняя в то же время их собственность*.

*Мишле прекрасно это понимал, когда писал в своей Истории революции (Michelet J. Histoire de la Revolution francaise, v. 1—9. Paris, [1876—1879], v. 8, 1. 14, ch. 1) полные грусти строки, где напоминая слова Дюпора: «Пахать надо глубоко», — он говорил, что революция потому должна была погибнуть, что и якобинцы, и жирондисты одинаково были «логиками политики» и «представляли только две вехи на одной и той же линии». Самый крайний из них, Сен-Жюст, прибавлял Мишле, «не смеет тронуть ни религии, ни образования, ни самой сущности социальных учений: трудно даже догадаться, что думает он о собственности». Таким образом, революции, чтобы утвердиться, продолжает Мишле, «не хватало революции религиозной и революции социальной, в которых она нашла бы свою поддержку, свою силу, свою глубину».

Самая сила событий толкала Францию на путь нового коммунистического движения. Между тем революция дала создаться «сильному правительству», и это правительство раздавило

стремившихся к коммунизму крайних и под угрозой гильотины заставило замолчать всех тех, кто думал, как они.

Что касается до эбертистов, которые преобладали в Клубе кордельеров и в Коммуне и овладели при помощи министра Бушотта военным министерством, то все их понятия отдаляли их от социального переворота. Эбер, конечно, писал иногда в своей газете в коммунистическом смысле*; но террор и захват правительственной власти казались ему несравненно более важными, чем вопрос о хлебе, о земле или об организации труда. 80 годами позже Парижская Коммуна 1871 г. дала тот же самый тип революционеров.

*Тридон дал такие выдержки в своем очерке «Les Hebertistes» (Oeuvres diverges de G. Tridon. Paris, 1891, p. 86—90).

Что касается Шометта, то по своим симпатиям к народу и по своему образу жизни он должен был бы тяготеть к коммунистам. Одно время он был даже под их влиянием. Но он был близок также с партией эбертистов. А эбертисты очень мало интересовались этими вопросами. Они не стремились вызвать в народе действительное проявление его экономической, социальной власти. Для них самое главное было захватить власть при помощи новой «очистки Конвента». Отделаться от «износившихся людей и калек революции», как говорил Моморо. Подчинить Конвент Парижской коммуне при помощи нового 31 мая, поддержанного на этот раз военной силой «революционной армии». «Потом — видно будет».

Но тут эбертисты обочились. Они не оценили могущества обоих Комитетов. Между тем Комитет общественного спасения стал за последние шесть месяцев большой правительственной силой и был признан таковой за искусное ведение войны; а Комитет общественной безопасности стал едва ли не еще более грозной силой, так как сосредоточил в своих руках всю тайную полицию и мог кого... хотел, послать на гильотину. Наконец, эбертисты завязали борьбу на такой почве, на которой их поражение было неизбежно, т. е. на почве требования усиленного террора. Здесь им приходилось вступать в состязание с правительством, которое тоже считало террор необходимым и имело уже для этого свой официальный орган в лице Комитета общественной безопасности. Им оно и воспользовалось против эбертистов.

Излишне было бы распространяться обо всех интригах политических партий, боровшихся за власть в течение декабря 1793 и первых месяцев 1794 г. Достаточно указать, что четыре группы, или партии, стремились овладеть властью: робеспьеровская группа, состоявшая из Робеспьера и его друзей — Сен-Жюста, Кутона и др.; группа «усталых», которая спланировалась позади Дантона (Фабр д'Эглантин, Филиппе, Бурдон, Камилл Демулен и пр.); затем Коммуна, которая сливалась с эбертистами; и, наконец, те из членов Комитета общественного спасения (Бийо-Варенн, Колло д'Эрбуа), которых называли террористами и вокруг которых соединялись люди, не желавшие, чтобы революция смягчила свою суровость относительно своих врагов, но вместе с тем не хотевшие преобладания ни Робеспьера, против которого они глухо вели войну, ни Коммуны и эбертистов.

Дантон в глазах революционеров был уже отжившим человеком, опасным потому, что, следуя за ним, проталкивались жирондисты. Но это не мешало Робеспьеру идти с ним рука об руку в ноябре, чтобы вместе бороться против антирелигиозного движения. В Клубе якобинцев, который проводил тогда свое «очищение», когда Дантону пришла очередь подвергнуться «очистительному голосованию» общества, причем против него было уже сильное возбуждение, Робеспьер протянул ему руку и спас его. Мало того: он отождествил себя с Дантоном. Он был ему нужен, чтобы бороться против крайних.

Кроме того, когда Камилл Демулен, ярый «дантонист», выпустил 15 и 20 фримера (5 и 10 декабря) первые два номера своей газеты «Старый кордельер», где со всем своим талантом журналиста, изощрившегося в клевете, он напал на Эбера и Шометта и начал вместе с тем кампанию в пользу ослабления преследований, направленных против врагов республики, Робеспьер прочел эти два номера раньше публикации и одобрил их. Во время «очищения» у якобинцев он заступился также и за Демулена. Он был готов, таким образом, делать в эту минуту уступки дантонистам, лишь бы они помогли ему в борьбе против левого крыла — эбертистов.

На это дантонисты вполне были готовы и напали на эбертистов с необыкновенной яростью: Камилл Демулен — в своем «Старом кордельере», а Филиппе — в Якобинском клубе, где он с озлоблением критиковал поведение эбертистских генералов в Вандее. Робеспьер, с своей стороны, напал с чисто религиозной яростью на очень влиятельного эбертиста Анахарсиса Клоотса, которого якобинцы избрали в эту пору своим председателем. Когда очередь подошла Клоотсу подвергнуться «очистительному суду» якобинцев, Робеспьер произнес против него самую ядовитую речь, в которой обвинял этого идеалиста, обожателя революции и вдохновенного проповедника международного союза санкюлотов в измене против Франции: все это на основании того, что Клоотс имел сношения с банкирами Ванденивер и интересовался ими, когда они были арестованы. Якобинцы исключили Клоотса из своего клуба 22 фримера (12 декабря), и Клоотс стал таким образом намеченной жертвой для эшафота. Через две недели, т. е. 28 декабря, он уже был арестован.

Тем временем контрреволюционное восстание на юге продолжалось и Тулон все еще оставался во власти англичан, так что Комитет общественного спасения обвиняли в неспособности. Поговаривали даже о том, что Комитет хочет предоставить южную Францию контрреволюции, и были дни, когда Комитету едва-едва удавалось удержаться во власти и не быть отправленным на эшафот, что, конечно, пошло бы на пользу жирондистам и «модерантистам», а через них — контрреволюции.

Душой похода против Комитета общественного спасения в политических кругах был Фабр д'Эглантин — один из «умерителей», которого поддерживал Бурдон (из Уазы); и с 22 по 27 фримера (с 12 по 17 декабря) была даже сделана искусно подготовленная попытка возбудить Конвент против Комитета общественного спасения.

Но если дантонисты интриговали против робеспьеристов, то обе партии действовали заодно против эбертистов. 27 фримера (17 декабря) Фабр д'Эглантин прочел в Конвенте доклад, в котором требовал ареста трех видных эбертистов: Ронсена — генерала «революционной армии» Парижа, Венсана — главного секретаря военного министерства и Майяра — того

самого, который 5 октября 1789 г. вел женщин на Версаль. Все трое были ярые террористы, и это была первая попытка «партии милосердия» совершить переворот в пользу Жиронды и более умиротворительной политики. Все те, кто нажился во время революции, торопились, как мы уже говорили, вернуться к «порядку», и ради этого они были готовы пожертвовать республикой и водворить конституционную монархию. Многие, как Дантон, разочаровались в людях и говорили: «Пора все это покончить!» Другие, наконец, и такие люди являются во всех революциях самой опасной партией, потеряв веру в революцию при виде враждебных ей сил, подготавливали себе помилование со стороны реакции, приближение которой они уже чувствовали.

Однако же арест этих трех эбертистов так напомнил бы арест Эбера в мае 1793 г. (см. гл. XXXIX), что в докладе Фабра увидели подготовку к правительственному перевороту в пользу жирондистов и через них — в пользу реакции. Раскрытию этой интриги помогло также появление третьего номера «Старого кордельера», в котором Демулен вполне показал свои карты. Прикрываясь именами из римской истории, он яро нападал на революционное правительство, и вся масса контрреволюционеров в Париже подняла голову при чтении этого номера: они сразу стали уже шумно хоронить революцию.

Кордельеры немедленно приняли сторону эбертистов; но и они не нашли никакого другого повода обратиться к народу, как только требование больших строгостей против врагов революции. Для них революция тоже состояла прежде всего в терроре. Они устроили процессию и носили по улицам Парижа засушенную голову Шалье, которого казнили жирондисты в Лионе; они звали народ к восстанию, к новому 31 мая, с целью произвести новую «очистку» Конвента и удалить из него «отживших людей». Но что собирались они предпринять, если бы им удалось добиться «очистки» Конвента? Какое направление собирались они придать революции? Ничего этого не было видно.

Раз борьба завязалась на вопросе о более или менее свирепом терроре и о более сильной власти, Комитету общественного спасения легко было отразить нападение. Действительно, 5 нивоза (25 декабря) Робеспьер прочел в Конвенте доклад о революционном правительстве, и если сущностью этого доклада была мысль о необходимости поддержать равновесие между слишком крайними партиями и умеренными, заключение его было, как у эбертистов: «смерть врагам народа» — усиление правительственного террора. На следующий же день он потребовал ускорения решений революционного трибунала.

В это же самое время, т. е. 4 нивоза (24 декабря), в Париже получили известие, что Тулон отбит, наконец, у англичан, а в следующие два дня, 5 и 6 нивоза (25 и 26 декабря), узнали, что вандейцы окончательно разбиты при Савене. 10 нивоза (30 декабря) Рейнская армия, перейдя в наступление, взяла назад укрепленные линии Виссембурга; затем блокада Ландау была пробита 12 нивоза (1 января 1794 г.), и немецкие войска вынуждены были очистить левый берег Рейна и отступить на правый.

Таким образом республика приобретала новую силу, одержав ряд побед.

Вместе с тем усиливалась власть Комитета общественного спасения, и тогда Демулен в пятом номере своей газеты покаялся в своих нападках на революционное правительство,

продолжая, однако, свои злостные нападки на Эбера. Благодаря этому, заседания Клуба якобинцев во время второй декады нивоза (с 31 декабря по 10 января 1794 г.) стали настоящими всеобщими схватками из-за личных нападков. 10 января якобинцы произнесли исключение Демулена из своего клуба (что было равносильно близкой казни), и Робеспьеру пришлось пустить в ход всю свою популярность, чтобы Общество отменило, наконец, это решение.

Однако 24 нивоза (13 января) Комитеты решились действовать и сразу навели страх на своих порицателей, велев арестовать Фабра д'Эглантина. Предлогом ареста была выставлена подделка одного документа, и Комитеты с треском и грохотом объявили, что открыт большой заговор, имевший целью набросить тень на честность народного представительства.

Факт, послуживший поводом к аресту Фабра, был подделкой одного декрета Конвента в пользу могучей Индийской компании; но теперь известно, что Фабр был ложно обвинен в подделке этого документа. Декрет о ликвидации дел Индийской компании действительно был подделан, но не Фабром, а другим членом Конвента — Делонэ. Этот документ существует по сию пору в архивах, и с тех пор, как его открыл Мишле, известно, что поправки, сделанные в декрете в пользу компании, писаны рукой Делонэ, а не Фабра; но так как прокурор революционного суда Фукье-Тенвиль, безусловно преданный Комитету общественной безопасности, не позволил представить в суд этот документ, то Фабр погиб, как подделыватель документа. Робеспьер, конечно, за него не вступился: он его не-навидел*.

*Дело было довольно сложное. На службе у роялистов был очень ловкий человек, барон Батц, до того смелый и так ловко умевший скрываться, что про него сложились целые легенды. Этот барон Батц, долго старавшийся освободить Марию-Антуанету, затеял теперь уговорить нескольких членов Конвента заняться крупной биржевой спекуляцией на деньги, которые должен был доставить аббат Эспаньяк. Батц однажды собрал для этого в своем доме Жюльена (из Тулузы), Делонэ, Базира (дантониста), а также банкира Бенуа, поэта Лагарпа и графиню Бофор, любовницу Жюльена. Шабо, священник, отказавшийся от священнического сана, одно время большой любимец народа, но теперь женившийся на сестре австрийского банкира Фрея, тоже был с ними. На одном из таких собраний, по-видимому, был Фабр; его попытались подкупить, и действительно подкупили Делонэ, чтобы действовать в деле, касавшемся Индийской компании. На эту компанию, однако, напали в Конvente, который и велел ликвидировать ее дела и назначил для этого специальных комиссаров. Написать декрет, содержащий решение Конвента, поручили Делонэ. Тогда Делонэ написал его и дал прочесть Фабру, который сделал в нем несколько поправок карандашом и подписал его. Но другие поправки, выгодные для компании, были сделаны чернилами рукой Делонэ на том же проекте, и, не представляя более этого проекта в Конвент, его выдали за самый декрет.

Три месяца спустя Фабр был гильотинирован вместе с Шабо, Делонэ, аббатом Эспаньяком и обоими братьями Фрей, австрийскими банкирами.

Таким образом шла кровавая борьба между различными фракциями революционной партии, и легко понять, сколько ожесточения вносилось в эту борьбу иностранным вторжением и всеми ужасами гражданской войны. Тем не менее естественно является вопрос: что помешало борьбе партий принять ожесточенный характер с самого начала революции? Что дало возможность людям, столь различным по убеждениям, как жирондисты, Дантон, Робеспьер, Марат, действовать несколько лет заодно против королевской власти?

Весьма вероятно, что интимное и братское общение, установившееся еще до начала революции в масонских ложах в Париже и провинциях между всеми видными деятелями того времени, способствовало этому единству действия. Известно, в самом деле, через Луи Блана, Анри Мартена и из прекрасной монографии профессора Эрнеста Ниса*, что почти все выдающиеся революционеры принадлежали к франк-масонству. Мирабо, Байи, Дантон, Робеспьер, Марат, Кондорсе, Бриссо, Лаланд и т. д. и т. п. — все принадлежали к этому братству, а герцог Орлеанский (назвавший себя во время революции «Филипп Равенство») оставался великим национальным мастером масонского братства вплоть до 13 мая 1793 г. Кроме того, известно также, что Робеспьер, Мирабо, химик Лавуазье и, вероятно, многие другие принадлежали к ложам иллюминатов, основанным Вейсгауптом, цель которых была «освободить народы от тирании князей и духовенства и, как немедленный прогресс, освободить крестьян и рабочих от крепостного состояния, от барщины и от ремесленных гильдий».

*Nys E. *Idees modernes: Droit International et Franc-Maconnerie Bruxelles*, 1908 (имеется русский перевод).

Нет никакого сомнения, как это говорит Э. Нис, что «своими человеческими стремлениями, своим непоколебимым чувством достоинства человека и своими принципами свободы, равенства и братства» масонство сильно содействовало подготовке общественного мнения к новым идеям; и это — тем более, что «повсеместно, на всей территории страны, масоны держали собрания, в которых излагались и восторженно принимались прогрессивные идеи и где — факт гораздо более важный, чем это думают, — подготавливались люди, умевшие обсуждать сообща дела и голосовать». «Соединение трех сословий в июне 1789 г. и ночь 4 августа были, по всей вероятности, подготовлены в масонских ложах»*.

*Ibid., p. 82, 83.

Эта предварительная работа, несомненно, установила также между людьми действия известные личные отношения и привычки взаимного уважения помимо отношений, всегда слишком узких в партиях, и интересов узкопартийных. Вот что позволило, мы думаем, революционерам очень разнообразных партий действовать в продолжение четырех лет с некоторым единством против королевского деспотизма. Позже это единство подверглось слишком суровым испытаниям и, конечно, не удержалось, тем более что сами масоны разделились по вопросу о королевской власти, о казни короля и еще более по отношению к коммунистическим учениям до того, когда масонские ложи были закрыты в начале 1793 г. Отношения, установившиеся между масонами до революции и в начале ее, не сохранились, таким образом, до конца революционного периода; и тогда борьба партий разразилась с отчаянным ожесточением.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 26 апреля 2025 18:58:15

██████████ ██████████ обновил 26 апреля 2025 18:58:34